

ГЛАВА 1

Над прудом, высоко в синем весеннем небе, виднелось неподвижное черное пятно. В серебристой воде играло множество рыб; все было здесь так уединенно и безмолвно, что даже старые гигантские деревья, окаймлявшие зеркальные воды, не могли защитить их обитателей от крылатого хищника, стремительно падавшего с поднебесья за добычей и нарушавшего веселую жизнь водяного царства. Сегодня, однако, он не решался спуститься, так как, против обыкновения, здесь было много людей, и взрослых и детей, и последние кричали, шумели и бросали в него своими пестрыми мячиками; распряженные для отдыха лошади громко ржали и копытами взрывали прибрежную землю, а сквозь кроны деревьев неслись к небу легкие облачка дыма. Людской шум и дым не нравились хищнику, и он, мрачный, стал подниматься все выше и выше, подальше от детских голов, пока совсем не скрылся, и тяжеловесное тело его будто рассыпалось и рассеялось в голубом эфире.

На левом берегу пруда ютилась рыбацья деревенька — домиков в восемь. Они стояли поодаль один от другого, под сенью столетних лип, ветви которых спускались так низко, что соломенные крыши чуть ли не касались нижних ветвей; с южной стороны домиков росли кусты шиповника и боярышника, вдоль стен были развешаны сети и сачки, а перед входными дверями стояли деревянные скамейки — все это резко выделялось на светлом фоне прибрежья.

Но напрасно ваш взгляд стал бы искать крепкие фигуры рыбаков: их тут не было. Хорошо было и то, что громадный парк со своими вековыми деревьями совершенно скрывал лежавшую за ним столицу; создавалось впечатление, что

находишься в патриархальном центре сельской жизни, пока не отворялась дверь одного из домиков.

Если бы германский герцог мог предвидеть, что за безвинный Малый Трианон блестящая французская королева поплатится впоследствии головой, то рыбацья деревенька, наверно, никогда не была бы построена. Но он не обладал даром предвидения, потому это прелестное подражание вот уже более ста лет стояло на берегу пруда, представляя собой снаружи первобытную идиллию, внутри же вполне удовлетворяя всем прихотям избалованного роскошью человека. Если бы вы вошли в один из домиков, ваша нога утонула бы в богатейших пушистых коврах; мебель и стены были обиты тяжелыми шелковыми материями, простенки скрывались под зеркалами, хотя по наружности домики и кокетничали бедностью и простотою. Но нельзя же было, в самом деле, обедать за белым деревянным столом, а тем более отдыхать после упоительных игр на жесткой деревянной скамейке!

Герцогский дом, одному из владельцев которого рыбацья деревня была обязана своим существованием, строго придерживался старинного обычая, по которому каждый наследник престола должен был посадить липу на восьмом году своей жизни. Таким образом луг, раскинувшийся на левом берегу пруда и прозванный Майенфестом, сделался историческою знаменитостью, чем-то вроде генеалогической таблицы. Случалось, что посаженная герцогской рукой липа не принималась, но были в Майенфесте и истине редкие экземпляры. Вековые исполины, стволы которых были покрыты серо-зеленоватым мохом, точно панцирем, простирали длинные ветви над своими потомками и над слабыми деревцами, которые — увы! — и здесь встречались, несмотря на то что были посажены рукой герцогского сына.

Именно сейчас, в мае, наступила очередь наследного принца Фридриха. Само собой разумеется, двор и лояльная

столица праздновали этот день по предписанному издавна обычаю. Были приглашены все дети лиц, принимавшихся во дворе; менее счастливые, не имевшие ни баронской, ни дворянской короны, тоже приехали со своими родителями, чтобы хоть издали видеть, как наследный принц будет управляться с заступом. За Вагенбургом тянулось по дорогам и тропинкам множество народа, а молодые парни влезали на деревья, служившие, бесспорно, самыми лучшими наблюдательными пунктами.

Торжество было двойное. Полтора года тому назад умер владетельный герцог, отец наследного принца, и только сегодня вдова его, красавица герцогиня, сняла траурный наряд, который носила так долго.

Она стояла тут же, возле только что посаженной липки. При взгляде на нее нельзя было ни минуты усомниться в том, что она здесь царица всего собрания. Она была вся в белом, только у пояса приколот бледно-розовый цветок шиповника, да от пунцовой подкладки маленького зонтика, который она держала над непокрытой головой, падала розоватая тень на ее лицо, на прямой, остренький, очень маленький носик и полные, хотя и бледные губы. Неправильные черты лица, густые, как грива, с синеватым отливом волосы, легкая синева под глазами и тот восковой, безжизненный цвет лица, который так часто служит признаком страстной натуры, придавали ее лицу красоту испанской креолки, хотя, разумеется, в жилах немецкой герцогини не было ни капли этой крови.

Она следила за полетом хищника так же внимательно, как и толпа детей, сопровождавшая восторженными криками его исчезновение.

— Ты опять не кричал с нами, Габриель, — сердито заметил маленький мальчик стоявшему около него другому, постарше, белое полотняное платье которого резко отличалось от изящных костюмов прочих детей.

Мальчик не ответил, а растерянно и смущенно опустил глаза, и это страшно рассердило младшего.

— Разве тебе не стыдно перед другими мальчиками, негодный мальчишка?.. Кричи сейчас же ура! И мы тоже закричим, — приказывал и в то же время подбадривал он.

Мальчик в белом платье в испуге отвернулся. Он хотел было уйти, как вдруг маленький мальчик с быстротой молнии поднял свой хлыст и ударил им несчастного по лицу.

Остальные дети мигом разбежались, и дрожащий от гнева мальчик на несколько минут остался один. Это был идеально красивый ребенок, в изящном зеленом бархатном костюме, с чудными каштановыми локонами, преисполненный силы и величия; наследный принц, брат его и вся их детская свита не могли бы с ним сравниться.

Бедная и испуганная наставница его поспешила к нему, но герцогиня остановила ее и взяла его за руку, крепко сжатую в кулак.

— Это нехорошо, Лео, — сказала она, но в голосе слышалось более нежности, чем гнева.

Мальчик резко высвободил свою руку из мягкой, бархатной руки герцогини и, бросив искоса взгляд на удалявшегося побитого им товарища, развернулся на каблучке.

— Что ж такого! — проворчал он. — И поделом ему! Папа его тоже терпеть не может и говорит: «Этот трус боится даже своего собственного голоса».

— Положим, что так, маленький упрямец; тогда для чего же ты настаиваешь, чтобы этот Габриель сопровождал тебя всюду? — спросила, улыбаясь, герцогиня.

— Потому... ну, потому что я так хочу!

С этими словами Лео гордо поднял свою кудрявую голову и, повернувшись спиной ко всему обществу, как будто оно для него и не существовало, скрылся за одним из домиков. Он пошел в обход к той старой липе, за которой спрятался обиженный им мальчик.

Бедняжка одиноко стоял, прислонившись к дереву. То был мальчик лет тринадцати, с выразительным, печальным лицом, скорее не худой, а стройный, с изящной фигуркой. Он намочил в пруду платок и приложил его к левой щеке, между тем как губы его нервно подрагивали, не так от боли, какую причинил ему удар хлыстом, как от внутреннего волнения.

Маленький Лео обошел вокруг него несколько раз, порывисто щелкая в воздухе хлыстом.

— Тебе очень больно? — спросил он вдруг коротко и резко, мрачно сдвинув брови и топнув ногой.

Габриель отнял от лица платок, чтобы снова смочить его водой, открыв шедший поперек щеки красный рубец.

— О нет! — отвечал Габриель кротким, в высшей степени благозвучным голосом. — Только жжет немного.

В одно мгновение хлыст очутился на земле, и с раздрающим душу криком Лео бросился Габриелю на шею.

— Я слишком дурной мальчик! — воскликнул он. — Вон там лежит мой хлыст, Габриель, возьми его и прибей меня также!

Прочие дети смотрели, разинув рот, на этот неожиданный порыв горького раскаяния. Герцогиня тоже была недалеко; должно быть, странное ощущение овладело ею, потому что она стремительно бросилась к ребенку, прижала его к сердцу и стала осыпать поцелуями его красивое лицо.

— Рауль! — едва слышно прошептала она.

— Ах, глупости! — проворчал мальчик, с силой высвобождаясь из ее объятий. — Раулем зовут моего отца!

На бледных щеках герцогини вспыхнул яркий румянец, она выпрямилась и с минуту оставалась неподвижной, потом медленно повернула голову и робко и нерешительно огляделась; дамы, только что стоявшие неподалеку, теперь исчезли за дверью ближайшего домика.